

ГЛАВА 1

«И от всякого, кому дано много,
многое и потребуется, и кому много
вверено, с того больше взыщут».

Евангелие от Луки,
глава 12, стих 48

Непривычный для тихих коридоров Станции гул привлекал внимание каждого, кто входил в столь ранний час в казармы сестер. У дверей и вовсе творилось форменное столпотворение, все же регулируемое привитой нам дисциплиной. На страже порядка стоял брат Арес. Тщательно сверяясь со списком, написанным на тетрадном листе дерганым почерком, брат называл имена и пропускал их обладателей в жилой коридор.

— Брат мой, да пребудет...

— Не отвлекай, иди куда шла, — буркнул Арес.

Пожав плечами, я протиснулась в коридор.

— Да ладно... Неужели сожителство мужчин и женщин уже не считается грехом прелюбодеяния? — сорвалось с губ, едва я увидела близкого товарища Гарма, растянувшегося на койке.

— Теперь да. На время, — брат повернулся набок. — Ты что, не в курсе про вчерашний Всплеск?

— Ага, как же! — возмутилась я. Висок неприятно заныл.

С обретением пси-способностей пришел и крайне неприятный побочный эффект: каждый Всплеск бук-

важно выводил меня из строя физически и морально. Головная боль была такой силы, что даже просто пошевелиться, не испытав мучительного импульса, было невозможно.

Как назло, неприятное знакомство с этим феноменом застало в дозоре. На окраине Черного леса группа одиночек решила выяснить отношения с бандитами, чем привлекла внимание патрульных. В самый разгар перестрелки небо потемнело, Зона набрала силу... От бесславного конца спас зоркий черный волк Фреки — верный четвероногий друг. Подняв громкий вой, он привлек внимание братьев, успевших оттащить меня в безопасное место.

Дальше начался ад... С первыми раскатами грома голова взорвалась болью. Не получалось не то что держать в руках оружие, но даже стоять. Сжав зубы, я прижимала лоб к холодной бетонной стене в надежде хоть немного облегчить состояние. Двойная доза обезболивающего препарата влилась в вену будто вода, но никак не улучшила состояние.

Сочувствующий брат Зет уже хотел было добавить анальгетик из собственной аптечки, но бдительный Гаал спас от возможной передозировки.

Едва Всплеск завершился, головная боль исчезла, будто и не было ее никогда. Медик, убедившись в полном восстановлении организма, остался непреклонен к уговорам сохранить мою маленькую слабость в тайне: оповестил о случившемся Настоятеля и с сопровождением отправил меня на Станцию под наблюдение коллеги.

Следующий Всплеск предстояло пережить в более комфортных условиях лазарета, однако даже они не смогли повлиять на состояние.

Брат Курт фиксировал каждую мелочь, вот только ничем не мог помочь. Повышенная дозировка анальгетика вновь не дала результатов. Короткие полчаса Всплеска показались вечностью.

С того времени Настоятель более не позволял мне выходить с территории Покинутого города и наказал держаться поближе к укрытиям, когда вот-вот Зона разразится новым катаклизмом.

Так случилось и сегодня ночью. Прикусывая на высоте боли карандаш в пластиковой оболочке, я дожидалась окончания Всплеска. Но теперь он бил слабее. Брат Лир, молодой снайпер, повинуясь внутреннему голосу интуиции, предложил спуститься в заброшенную лабораторию под укрепленным лагерем. Подземелье с толстыми стенами надежно экранировало внешние воздействия. Глядя на блуждающую по одной и той же траектории «молнию» и слушая ворчание семейства гномов, обжившихся где-то неподалеку, я чувствовала, что могу дышать ровнее и даже перекидываться короткими репликами с сопровождающими. Однако голова все равно гудела словно огромный колокол. Впрочем, это можно пережить, прижимаясь к спасительному ледяному металлу лабораторного стола.

— Ну так вот, — продолжил Гарм. — Тряхнуло так, что часть крыши над мужской казармой обвалилась. Еще и «крематорий» вырос прямо посреди зала.

— Обелиск милостивый... Никто не пострадал? — встревоженно спросила я.

— Не особо. Брату Дорну из южного крыла прилетело обломком стекла по ноге, да еще аномалия подпалила Фаусту хвост. Оба жить будут.

— Да... дела... Хорошо, меня засунули в казематы У-8.

— Повезло вам, что никто из живности не поинтересовался причиной вторжения. Говорят, гиблое это местечко. Так вот, к теме: нас вынужденно разбрасывают по женским квартиркам, пока идет ремонт и аномалия не свалит куда подальше. Девчонок у нас мало, так что извольте потесниться. Не знаю, надолго ли вся эта история, поэтому заранее предупрежу: я по ночам храплю. И очень не люблю, когда кто-то устраивает «охоту на тигра». Могу и в глаз дать.

В коридоре загудели сервоприводы, проход в комнату заслонила высокая фигура.

— Приветствую, — улыбнулся брат Ост, демонстрируя ямочки на щеках.

Медики, ученые и даже нейротехники присоединились к грандиозной операции по возвращению его в строй. Один за одним шли многочисленные эксперименты, но желанный успех все так же оставался недостижимым. Несколько месяцев понадобилось брату, чтобы научиться просто сидеть и кое-как перемещаться с использованием рук. Затем начались попытки восстановить движение ног, но с этим его постигла неудача. С тех пор брат Ост был вынужден передвигаться с помощью высокотехнологичного экзоскелета, управляемого движениями работоспособных мышц и пультом на рукаве.

Я до сих пор винила себя за тот выстрел, несмотря на заверения, что еретик нажал на спуск без моего на

то желания, и героические рассказы о спасении командира от пули неверного. Брат так и не победил свое тщеславие, приукрашивая события прошлого в свою пользу.

Боевые навыки Оста пострадали не сильно — травма почти не затронула функции рук. Однако снайперскую винтовку теперь заменял трехствольный пулемет. Из тихого, скрытного разведчика брат превратился почти что в живой танк. Ему не приходилось задумываться о весе брони, а количество полезного груза на себе он мог тащить куда большее, чем самые физически здоровые и крепкие соратники.

— Утро доброе, брат, — улыбнулась я. — Приветствую тебя в нашей скромной келье.

— Ничего себе «скромной», — удивился Ост. — У вас даже стены есть. Не бывала в зале братьев? А... ну да... Ты ж так и не присоединилась к медицинскому подразделению. В общем, у нас один огромный зал на треть состава ордена. Все у всех на виду. Даже рад, что его накрыло. Хоть попробую на вкус каплю личного пространства.

— Тебе есть что скрывать? — раздавшийся за спиной брата голос в одно мгновение испортил настроение всем присутствующим.

Худшего соседа нельзя было представить. Обидчивый, взрывной, иногда до невероятной степени въедливый дознаватель Деймон стоял в дверях, растягивая лямки рюкзака.

Возмущение сдавило грудь, не позволив вымолвить ни слова, едва дознаватель грубо оттеснил плечом замешкавшегося Оста и грохнул рюкзак на кровать, не-

когда принадлежавшую погибшей сестре. Большого святотатства, казалось, невозможно сотворить. Лишь знание о распоряжении Настоятеля и форс-мажорных обстоятельствах позволило проглотить и подавить поднявшуюся горечь гнева.

— Слышал, сестра Норна трусливо отсиживается в Покинутом городе? — язвительно произнес Деймон.

— Так велел Настоятель. К тому же у нее есть свои причины, — оборвал его Ост. Экзоскелет проскрипел механизмами, брат тяжело опустился на дальнюю койку.

— Как и у тебя — защищать сестру несмотря на то, что именно она своим безрассудным поведением испортила тебе существование? — Дознаватель всеми способами пытался спровоцировать конфликт.

Для злости у него была причина. В последнее время Настоятель частенько поручал допрос пленных еретиков мне. С чистыми руками, не слушая в свой адрес вопли и проклятия, мы узнавали истину. Ментальные способности дарили ордену необходимую информацию быстро и бескровно. Все реже я становилась боевой единицей, пребывая на Станции в относительном покое и полной безопасности. Настоятель берег своего личного кукловода. И это не давало душе Деймона покоя.

Все реже утолялась его жажда крови. Вместо привычных его больному разуму изуверств дознаватель выполнял приказ о ликвидации простыми, бесхитростными способами. Ярость, зависть и праведный гнев бурлили в душе брата. Он все чаще проводил время в молитве, умиряя желания. В бою же оставалось

лишь посочувствовать тому еретiku, который, на свою беду, повстречался Деймону на пути. Дознавателя можно понять — какая-то выскочка без памяти и с сомнительной историей с легкостью заставила его подвинуться с облюбованной должности.

Однако в отличие от него я не получала удовольствия от новой роли. Темные секреты и тайны неверных, открывавшиеся моему разуму, порой надолго застревают в голове, являются в кошмарах и не давали сомкнуть глаз тревожными ночами. Все больше сомнений зарождалось в душе. Все ярче являлся в видениях запретный образ подарившего однажды мне право жить.

Я искала его без ведома клана. Какая-то незримая сила толкала во чтобы то ни стало разыскать того сталкера со шрамом на щеке. Казалось, нас связывает нечто большее, чем просто спасение. Суровые правила «Возмездия» грозили жестоким наказанием каждому, кто восстанет против них. Однако тот человек смог воспротивиться приказам.

— Я еще здесь, брат. Ты знаешь, я никогда не нарушу волю Настоятеля. — Мне пришлось собрать все силы, чтоб не ответить слишком резко.

— Да, слышан. Наше юное дарование никогда бы и не подумала хотя бы раз в жизни пойти против обычаев ордена, — язвительно поддел Деймон. Внутри похолодело. Неужели он знает о том, что я так тщательно скрываю?

Еретик... странный человек. Его суть равна нашей, но на руках уже слишком много крови. Однако он прощен и избран Зоной. Вопреки этому он отчего-то

желал увести меня с истинного пути. Поступок его благороден, но мысли порочны, а намерения неведомы.

Поговорить о самой рискованной цели с Настоятелем не хватало мужества. Пусть глава ордена мудр и никогда не принимает поспешных решений, но даже мне не дано предугадать его реакцию на главную тайну, имеющую исключительно исследовательский интерес. Неприемлемую для верных Обелиску.

Вдруг я ошибаюсь? Не раз доводилось видеть, как еретики, почуяв ледяное дыхание неизбежной гибели, пытались обвести нас вокруг пальца. Делали вид, что уверовали и прозрели. Попытки отсрочить неотвратимое чаще всего оказывались провальными. За ложь в глаза чадам Обелиска неверного ждал куда более трагичный и мучительный конец.

— Что за шум, а драки нет? — в дверях показался брат Лео.

Обстановка накалилась сильнее. Не могу вспомнить почему, но этот пехотинец с механическим имплантом глаза одним своим присутствием раздражал Деймона до зубовного скрежета. Впрочем, и сам дознаватель этого тоже никак объяснить не мог.

Наравне с агрессивным собратом я также принимала участие в церемонии имянаречения этого невероятно сильного человека: ведомый отчаянием и болью, покалеченный еретиками и до глубин души напуганный, Лео пришел к единственно верному пути — к Обелиску.

Страшная болезнь брата не исчезла насовсем, но трусливо отступила перед талантами и опытом медиков

и самой Зоны. И лишь за одно это Лео был готов навсегда присягнуть ордену, не требуя ничего более взамен.

Деймон отвернулся, не удостоив брата и взглядом.

— Здравствуй, брат. Ты к нам пятым? Ну-ну, в тесноте да не в обиде, — улынулся Гарм.

— Не, я за стенкой теперь обитаю. Решил вот с соседями пообщаться...

— Вот и иди. И без тебя не продохнуть, — буркнул Деймон. Что же такого ему успел сделать этот новичок, сражающийся за дело Обелиска не менее яростно, чем опытные ветераны?

— Так, парни, раз пошла такая история, я, пожалуй, на боковую. Шутка ли, почти двое суток на ногах! Если кто-то останется к завтраку — разбудите.

Я развязала берцы и уже было потянулась к застегжке на комбинезоне, как вдруг остановилась. Появляться в неглиже перед кем-то из братьев, кроме врачей, запрещали строгие правила ордена. И как же быть теперь, когда мы вынуждены жить на одной территории?

Гарм сообразил первым. Крикнув «Не смотрю!», он уткнулся лицом в подушку, для верности закрыв глаза руками. Ост тоже тактично отвернулся. И лишь Деймон продолжал размещаться, будто плевать он хотел на правила.

— Брат, не будешь ли ты так любезен?.. — вежливо и осторожно начала я.

— Думаешь, мне есть до тебя дело? — проворчал Деймон.

— О Великий Обелиск! Брат, сколько еще будешь дуться? Если важно, старший дознаватель все еще ты, а не я. Не по своему желанию я копаюсь в мозгах неверных.

— Ты слишком много о себе возомнила, Пророчица, — в голосе дознавателя зазвенела сталь. — Думаешь, я не имею понятия, где ты переходишь границы дозволенного? Твой дар — не талант, а проклятие! Преступление против заповедей Зоны! Поверь, ты еще не раз убедишься, что я прав. И горько об этом пожалеешь.

— Спокойно, брат, — примиряюще вмешался Ост. — Случившегося не изменить. Сестра благоразумна. Она обойдется со своим даром лишь во благо Зоны и Обелиска.

Деймон ничего не ответил, молча покинув комнату. Наконец без лишних свидетелей я смогла скинуть броню, переодевшись в привычный серый камуфляж.

Забравшись под одеяло, я ожидала наступления долгожданного сна, но отчего-то привычный ко всему организм упрямо отказывался отдыхать.

Шаги и гомон в коридоре, присутствие людей вокруг не позволяли расслабиться. И вновь приходилось обманывать себя. Как бы ни хотелось увериться в том, что гневные слова брата — всего лишь бессильная угроза, некая тревога все равно играла на струнах души.

Мама-Зона, покинувшая одинокие пустые сны, научила меня многому. Чувствовать и понимать, казнить и миловать, смотреть на несколько шагов в будущее, не забывая о прошлом.